

Поповна

Жил поп со своей хозяйкой. Когда хозяйка помирала, дала попу башмачок и колечко:

— По ним найдёшь себе жену.

Поп объездил много мест, не мог прибрать башмачок и колечко: кому не войдёт, кому слабо. Вот приходит домой, отдаёт св<оей> дочери перстенёк и башмачок. Примерила — вокурат как по ей сшит. Отец и говор<ит>:

— Ты будешь моей женой.

Она ходила к бабушке и говор<ит>:

— Меня отец хочет взамуж брать.

Баб<ушка> гов<орит>:

— Ты вели ему сошить гарнатуровы пары.

От<ец> купил и сошил. Старуха присоветовала, чтобы он сшил штофну пару. После этой велела <треть>ю пару сошить из гальнотуровой материи. Тогда стар<уха> учит:

— Надо байна стопить.

Вот байна сготовила, отправила отца в байну, а сама собрала всё платье в мешок, плюнула на пол, сама из избы долой. Пошла куда голова несёт. Отец приходит с байны:

— Давай иди в байну.

А слинка отвечат:

— Сичас.

Отец подождал в байны — дочери не видать, приходит в избу — и дома нет. Вот он побежал за ей в погонь. Когда догнал ей у реки:

— Перевези или воротись обратно.

Она его не послушала. Он схватил, вырвал свои яйца и бросил дочери на шею. [Яицы приросли.] Эта девка пошла вперед. Приходит в город, колёт царск<ий> сын дрова. А она была красивая.

— Иди за меня замуж.

Тогда оны повенчались. Когда стала жить тут, свекрова стала ей изгонять. Свекр<ова> послала ей к Егí-бабы за бердом. Жених наказывает:

— Возьми ногу мяса, мотушку нитей, конопленого семя, рыбы, кольцо, гребень и щётку.

Когда она стала подходить к ейному дому, то лесы стали нагибаться, не давать проходу; она им повесила ленточки — ей и пропустили. Стала подходить к дому Еги-бабы, собаки бросились на ней. Она бросила ногу мяса — оне и пропустили. Пришла к воротам, ворота не спускают, налила масла в ворота, в пятку, — ворота пропустили. Пришла в сени, и ступа с тестом навстречу, она положила [в ступу] конопленое семё — ступа начала толочь. Открыла дверь в избу, веник вскочил встечу, не спускает. Она надела на веник кольцо, веник её спустил. Кошка выскочила из подпечья, она бросила рыбу, и тая ушла. На стене были иглы, оны бросилась на поповну, она дала им нитки — иглы её спустили. Вот Еги-баба говор<ит>:

— Племяночка пришла, дорогая пришла, надо с дороги накормить.

Вот она посадила ей за стол, положила щей и мясо человеческое, руки и ноги, сама пошла затоплять байну. Пришла Еги-баба с байны, а поповна спрятала руки да ноги.

— Съела, племяночка, мяско?

— Съела.

Ег<и-баба> спраш<ивает>:

— Ручки, ножки, где вы е?

— А под полом.

Еги-б<аба> поднела на стол.

— Плем<яночка>, ешь мяско, хорошо.

А сама ушла в байну. Поповна клала ручки да ножки к сердцу, под рубашку. Пришла Еги-баба с байны.

— Съела, племяночка, мяско?

— Съела.

— Ручки да ножки, где вы е?

— А у сердечка.

— Ну, значит, съела.

Потом Еги-б<аба> ушла в байну, а поповне велела взять ножницы и высечь стол. Поповна взяла бердо и побежала домой. Пришла Еги-баба с байны — поповны нет, и Е<ги-баба> вслед в погóнь за ей. Взяла бить собак: зачем спустили поповну. Собаки предъяснили, что «нам добрая служá, ногу мяса дала». Вот Е<ги-баба> села в ступу и поехала, пестом погоняе, помелом следы паше. Ег<и-баба> поповну стала нагонять, поп<овна> бросила гребень:

— Стань, костяная гора, чтобы этой змей не было проходу.

Е<ги-баба> подъехала к горы и не могла спялиться. Воротилась обратно за струментом. Забрала струмент и приехала эту гору пилить, колоть и рубить. Когда гору срубила, проход сделала и стала обряжать струмент, прятать, а птички и кричат:

— Вижу, вижу, украду да и людям покажу.

Тогда Е<ги-баба> повезла струмент домой. И снова спустилась в погонь. Когда стала нагонять поповну, та бросила огниво:

— Стань огненна река, чтобы доб<рым> людям был проход, а этой змей не было.

Вот Е<ги-баба> подъехала к огн<енной> реки и просит:

— Племяночка, перевези, дорогая, перевези.

Пл<емяночка> дала ей холстинку, Е<ги-баба> села, племяночка дёрнула, Е<ги-баба> — в реку да и сгорела. Вот поповна и пошла дальше, а [у] мужа свадьба, и поповну положили на кухню. Поп<овн>а наварила кипятку в котле, положила котёл на стол и стала хлебать.

— Ах да уха!

А килы́ (яйца отцовские) скажут:

— Дай-ко мни.

А она говорит:

— Сядьте на край да хлебайте са́мы.

Яйца сели на край, она пёхнула их в кипяток, оны и сгорели. Тогда она одела штофну пару и понесла с супом в столовую, где была свадьба. Когда молодая за столом увидела, что поповна несёт чугу́н, прихвативши рукавом штофного платья, и говорит:

— Ты бы, молодушка, не несла бы рукавом, а запасала бы такое платье на гулянье.

Поповна ей отвечает:

— Ты рано заговорила: я три года боялась батюшки, <три> года — матушки, <три> года — мужа.

Муж соскочил со застолья, вы́вез новую жену и взял старую и стал жить да быть, и теперь живут.

(Зап. 10 июля 1928 г. от Т. Л. Смирнова, 63 г., на Шокшозере Лодейнопольского округа Олонецкой губ.)

Заветные сказки из собрания Н. Е. Ончукова. М.: Ладомир, 1996.